

УДК 801.73

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ НИЛА СОРСКОГО А.С. АРХАНГЕЛЬСКОГО

Л.Я. Воронова

Аннотация

Статья посвящена 150-летию со дня рождения А.С. Архангельского (1854–1926), знаменитого профессора Казанского университета, известного представителя русской академической школы истории литературы. Предметом исследования в статье является магистерская диссертация В.А. Богородицкого – первое монографическое исследование жизни и деятельности Нила Сорского.

Основные труды заслуженного профессора Казанского университета А.С. Архангельского (1854–1926) посвящены древнерусской литературе. Особое место среди них занимает магистерская диссертация «Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси», так как именно она обозначила круг интересов и метод ученого и в какой-то степени оказала влияние на характер дальнейшего осмысления жизни и деятельности Нила Сорского в отечественной и европейской науке. Наша цель – рассмотреть исследовательские принципы Архангельского и предложенную концепцию личности Нила Сорского, что представляется актуальным в связи с возросшим в последние годы интересом к трудам и идеям «великого старца», с одной стороны, и к наследию представителей казанской филологической школы, с другой.

Итак, несколько слов о подготовке Архангельским магистерской диссертации.

Осенью 1880 г. сверхштатный стипендиат Казанского университета А.С. Архангельский был командирован в Москву, Троице-Сергиеву Лавру и Санкт-Петербург для научной работы и подготовки магистерской диссертации на тему «Преподобный Нил Сорский, его литературные идеи и труды в Древней Руси» [НА РТ, 1158]. В Москве консультантом Архангельского, вероятно, был Ф.И. Буслаев, знакомство с которым, по признанию Архангельского, состоялось в 1879 г., поддерживалось около двадцати лет и было очень плодотворным [Архангельский 1899: 5]. А в Петербурге большую помощь Архангельский получает от членов «Общества любителей древней письменности»: П.П. Вяземского, президента «Общества», Е.Н. Опочинина, хранителя библиотеки и Музея древностей, и П.Н. Тиханова, известного в научных кругах собирателя, исследователя и издателя рукописных источников [Архив Опочинина; Архив Тиханова].

Безусловно, знакомство с известными филологами, с их методами, опытом архивной и текстологической работы, занятия в библиотеках, архивах, книгохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и др. были очень полезны для начинающего исследователя. Уже через год, в 1881 г., на одном из заседаний «Общества...» Архангельский представил реферат о найденных им рукописях Волоколамского монастыря, включающих пять посланий Нила Сорского [ЖМНП 1882: 1–21], вызвавший отклик в научных кругах. В этом же году завершенная магистерская диссертация Архангельского была рекомендована Советом изданий «Общества...» к публикации в «Памятниках древней письменности и искусства», что можно расценивать как факт признания актуальности и значимости труда казанского филолога. Весной 1882 г. издание вышло в свет под названием «Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Историко-литературный очерк. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский» [Архангельский 1966 (далее при ссылке на данное издание в квадратных скобках приводится только номер страницы)]. В Казанском университете 23 мая 1882 г. состоялся диспут по диссертации. Советом университета было принято решение «об утверждении кандидата Архангельского в степени магистра русской словесности» [НА РТ, 1126: 53–56].

Конечно, Архангельский не был первым, кто обратил внимание на труды и идеи Нила Сорского. Однако, как убедительно показано во Введении труда, ни одна из существующих работ не давала полного освещения всех проблем, связанных с изучением его жизни и литературной деятельности. Они последовательно решаются в четырех главах работы, которые отличает единство композиции и исследовательских приемов.

В первой главе впервые в литературоведении на основе изучения рукописных и опубликованных источников конца XV – начала XVI вв., трудов по истории церкви и государства, исследований филологов воссоздается полная биография Нила Сорского. Архангельский выступает здесь как представитель культурно-исторической школы, так как большое внимание обращает на среду и характер общественных отношений. Наряду с такими факторами, влиявшими на судьбы людей, как социальные «нестроения», физические бедствия (болезни, эпидемии), распространение апокалипсических идей, развитие монастырей как умственных и нравственных центров, отмечена и литература, которая пропагандировала идеал аскетической жизни монахов, противопоставляла монастырь миру. Но, помимо объективных причин ухода Нила Сорского в монастырь, важным признается субъективный фактор – личная предрасположенность, индивидуальное стремление. Подробно анализируются все этапы жизни Сорского, характер самообразования.

Принципиальными в плане дальнейшего раскрытия личности Нила Сорского, на наш взгляд, являются три сюжета из его биографии, отмеченные Архангельским.

Во-первых, это характеристика контактов и образа жизни Сорского в монастыре. Четко прослежена связь между идеями преподобного Кирилла, основателя Кирилло-Белозерского монастыря, где принял постриг Нил, Паисия Ярославова, учеником которого был Нил Сорский, а уже через них с преподобным Сергием Радонежским. В подтверждение сходства образа жизни Нила Сорско-

го с образом жизни в монастыре Сергия Радонежского Архангельский даже цитирует «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого. Во-вторых, – рассказ о путешествии Нила Сорского на Афон и в Константинополь. Оттуда он и принес образ скитской жизни, знакомство в переводах и подлинниках с трудами Ефрема Сирина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника и др. Архангельским специально разъясняется, в чем особенность исихазма и каково было его влияние на русское монашество и Нила Сорского. «Афону Нил Сорский был обязан больше всего созерцательным направлением своих идей» [22]. Наконец, третий момент – это позиция Сорского в полемике того времени. В исследованиях XIX – XX вв. настойчиво проводилась мысль об активном участии Нила Сорского в полемике по вопросам церковного устройства, отношения к еретикам. Он и Иосиф Волоцкий рассматривались как идейные руководители противоборствующих сторон. Архангельский же доказывал, что Сорский, осознавая все нестроения в церкви, в русском обществе, никогда не выступал в резкой форме против них, ибо путь борьбы был чужд ему. И это не безразличие, а личная позиция Нила. При случае он просто использовал возможность высказать свои идеи, напомнить обществу о вечных истинах христианства. Единственный вопрос, по которому Нил Сорский выступил публично на соборе 1503 г. и вступил в полемику с иосифлянами, – это вопрос о монастырском землевладении. Архангельский считает совершенно справедливым, что только за Нилом Сорским в древнерусской литературе закрепилось определение «великий старец». Анализ его литературной деятельности во второй главе развивает эту мысль глубже на конкретном материале.

В главе четко выделены три части: источниковедческий анализ произведений, обзор содержания и общие выводы. Архангельский проделал большую текстологическую работу: сверил все имеющиеся списки и редакции трудов Нила Сорского, выявил адресатов его посланий, внес некоторые коррективы в атрибуцию отдельных сочинений. Введен рукописный материал Казанской, Московской и Санкт-Петербургской Духовных академий, Императорской Публичной библиотеки, Румянцевского музея. В характеристике произведений Нила Сорского прослеживается связь с первой главой – акцент на тех же идеях, положениях Нила, о которых уже говорилось. Они подтверждаются новыми фактами, развиваются и дополняются. Заслугой Архангельского является определение основной черты мировоззрения Нила Сорского – «перевес внутреннего, духовного, идеального перед внешним и обрядовым» [130] – и выделение ключевых проблем философии и творчества Нила Сорского. Прежде всего, проблемы «устроения человека».

Для Нила Сорского важна идея о разумно-сознательном совершенствовании человека, которое предполагает не механическое следование правилам и предписаниям, не телесное подавление плоти, а «внутреннее духовное самосовершенствование человека» [128]. Сферой подвига не только инока, но и простого человека в таком случае становится душа, сердце. Путь спасения – не во внешних обрядах, а в нравственном перерождении. Отсюда рассуждения о «внутренней умной» молитве, «умном делании», свидетельствующие о признании приоритета разума над чувством.

Заслуживает внимания, по мнению Архангельского, и специальное исследование Нилом Сорским происхождения идей и их влияния на развитие человеческих страстей. Ученый не только подробно останавливается на содержании теории страсти Нила Сорского, но пытается выявить некоторые приемы его авторского изложения, ставя вопрос об «особом *психологическом* направлении» в литературе. «Нил старается проникнуть в глубь человеческой души, *стать на почву мыслей и сердечных движений человека* и там найти указания, как должно поступать, чтобы уничтожить в себе одно, чтобы развить другое; он пытается раскрыть перед читателем новый внутренний мир, *мир его души, его мыслей, чувств, стремлений*. Здесь – источник наших страстей; здесь же нужно находить и средства бороться с ним. Преподобный Нил анализирует нашего «внутреннего человека», следит за различными фазисами нашего психического состояния, за различными, по-видимому, самими незначительными движениями нашей души, и на этой психической почве дает свои наставления» [135]. Именно эти положения более всего привлекают современных исследователей. Иногда ссылаясь, а чаще не ссылаясь на Архангельского, они говорят об оригинальной логико-психологической теории Нила Сорского [Смирнов 1991: 101; Замалеев 1998: 156–157; Прохоров 1989: 137].

Не менее интересна и проблема «слова», которую Архангельский усматривает в творчестве Нила Сорского. Конечно, не один Нил Сорский считал «слово», «божественное писание» «единственным источником к познанию нравственных и религиозных обязанностей человека (инока)» [133], не только он призывал изучать его. Но, в отличие от многих деятелей русской культуры того времени, он признавал, что с изучением божественных книг должно быть соединено критическое отношение к общей массе письменного материала. «Писания многа, но не вся божественна суть» – эта мысль Сорского, по мнению Архангельского, была «особенно важна для тогдашнего книжного мира», но «для большинства грамотников совершенно необычной» [135]. Так, Архангельский приводит в пример Иосифа Волоцкого, который называл апостольскими и пророческими даже разного рода указы и распоряжения византийских императоров, а все попытки критического отношения к списываемому материалу объявлял ересью. Ценным Архангельский считает опыт самого Нила Сорского в критическом осмыслении трудов предшественников, обстоятельно анализируемый в третьей главе работы.

Основная задача Архангельского здесь – проследить литературные связи Нила Сорского с византийской патристикой, выяснить отношение Нила Сорского к патристической литературе. Соответственно, по степени влияния рассматриваются идеи и сочинения византийских богословов: Иоанна Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Санаита, Антония Великого, Максима Исповедника, др. Существенно, что критерием для Архангельского являются как свидетельства самого Нила Сорского, ссылки на труды богословов, частота цитирования, так и перекличка идей. Сравнение патристических текстов с трудами Сорского позволило ученому сделать несколько ценных наблюдений и выводов.

Так, например, главная идея «Лествицы» Иоанна Синайского – идея необходимости непрерывного нравственного самосовершенствования – была очень близка Нилу Сорскому. Отсюда множество цитат и ссылок на Иоанна Лествичника в сочинениях русского писателя. Есть и прямые заимствования: в рассуждениях о различных видах страсти, о ее возникновении Сорский тоже опирается на психологическую теорию Лествичника. Только принимает он пять фазисов вместо шести фазисов страсти у Лествичника [160–163].

Влияние Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и Григория Санаита обусловило созерцательный элемент «Глав» Сорского: «Умная молитва» Нила Сорского – «чистая» молитва Исаака Сирина, «духовная» («умная») молитва Симеона Нового Богослова и Григория Санаита» [177]. Соответственно, Сорский чаще всего ссылался на их авторитет, вообще предпочитал говорить их словами. Архангельский называет даже те страницы в сочинениях Сорского, где идут цитаты из трудов этих писателей.

А вот пример другого рода. Архангельским были обнаружены «буквальные» совпадения в положениях, касающихся монашеской жизни, основных пороков человека, Нила Сорского и Иоанна Кассиана Римлянина («О правилах монашества»). Но он не мог понять, почему Нил Сорский не указывал на Кассиана при пересказе его положений, как это он делал в отношении других авторов [140–152].

Исследователи двадцатого века любят сравнивать труд Нила Сорского с художественной мозаикой, составленной из патристических текстов. Признавая большое значение византийской патристической литературы как источника идей, приемов, средств Нила Сорского, Архангельский убедительно доказал, что отношение к этому источнику было самостоятельное и сознательное. В частности, сочинение Кассиана Римлянина Нил Сорский использовал не механически, не рабски подражал ему, а руководствовался им как пособием: добавляет, конкретизирует примерами из русской действительности, опирается на труды других отцов церкви, не встречающиеся у Кассиана. Русский писатель хорошо усвоил труды богословов, глубоко проникся их идеями, но смог обобщить весь материал в том направлении, которое его интересовало. Его «Главы», как пишет Архангельский, – это «сжатый, систематически составленный литературный труд <...>, объединенный одним строго проверенным направлением мысли» [182]. Нил Сорский собрал все ценное, рассеял в своих трудах и предложил современникам, при этом он учитывал потребности русской действительности и русского читателя. В его трудах рядом с высокой мыслью богословов бьется живая мысль самого Автора, который обеспокоен настроением в русской церкви и жизни. Его думы о современном зле, его боль о человеке, искренность, задушевность произведений наряду с незаурядной образованностью, даровитостью представляют нам довольно ясно образ русского писателя-инока. Некоторая же крайность рассуждений, как считает Архангельский, была обусловлена существующим направлением идей и понятий.

Как видим, Архангельский заострил внимание на критическом аспекте мысли и трудов Нила Сорского. И этот его вывод тоже всецело поддерживается исследователями. Как пишет А.В. Карташев, «призыв к критическому разбору всего писанного является на фоне XV века умственным дерзновением,

приведшим в восторг целые поколения русских интеллигентов. Особенно по контрасту с запретом личных мнений, который приписывался ученикам Иосифа Волоцкого» [Карташев 1993: 411–412]. А это уже из работы итальянского исследователя древнерусской литературы Риккардо Пиккио: «В противовес неумеренному благоговению Иосифа Волоцкого перед изречением из Священного Писания, Нил выказывает ярко выраженный критический склад ума. Доказывая, что «Писания божественны во многом, не во всем», он углубляется в трудоемкое толкование текста, которое позволяет ему принять в Писаниях то, что согласуется с разумом. В его многочисленных посланиях слышится отзвук рационализма, но не импортированного, а укорененного в православной традиции, к которой он приобщился на Афоне, у самого истока византийского христианства» [Пиккио Риккардо 2002: 207].

Особое значение для историков литературы имеет четвертая глава исследования Архангельского. В ней на основе памятников древнерусской литературы и права, трудов историков церкви, государства и культуры представлена широкая и целостная картина культурной, умственно-религиозной и общественной жизни страны. Это дало возможность ученому показать динамическое единство времени и одного из его лучших деятелей, подчеркнуть вклад последнего в развитие русской мысли. Идеи Нила Сорского «будили мысль читателя, давали ей более широкое, более свободное развитие <...>, они являлись весьма важным умственным фактом» [Архангельский 1966: 283].

Важной составляющей труда Архангельского является «Приложение, где впервые опубликованы фрагменты жизнеописаний Нила Сорского из различных рукописных источников» [Архангельский 1966, Приложение: 3–18]. Вообще в работе собран большой историографический и фактический материал, существенно облегчающий читателю знакомство с положениями исследования. Архангельский дает биографические справки о византийских и русских писателях, называет труды, указывает, с какого времени они известны на Руси, приводит публикации их, обильно цитирует. Каждая глава предваряется эпиграфом, содержание которого очень точно раскрывает ту или иную идею Нила Сорского и служит ключом к позиции исследователя в данной главе.

Так, первая глава «Данные для биографии преподобного Нила Сорского» открывается словами: *«И нача старецъ Нил глаголати, чтобы у монастырей сель не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣлемъ...»* (Из «Письма о нелюбкахъ»). Вторая глава «Литературная деятельность преподобного Нила Сорского» – *«Написахъ... воздвизаяй совѣсть къ лучшему...»* (Из «Предания ученикомъ Нила Сорского»). Эпиграфы третьей главы «Литературные источники идей преподобного Нила Сорского»: 1. *«Не отъ себе, но отъ святыхъ писаний малая отъ многихъ собрахъ, отъ крупницъ падающихъ отъ трапезы словесъ господій своихъ блаженныхъ отецъ...»* (Из главъ Нила Сорского). 2. *«Писанія многа, но не вся суть божественна...»* (Из послания Нила Сорского). Именно благодаря такой «текстовой» насыщенности читатель получает возможность познакомиться с неопубликованными материалами, трудами Нила Сорского, услышать как бы его голос и ярче представить его образ – нестяжателя, книжника, «великого старца».

Об интересе к исследованию А.С. Архангельского свидетельствуют отзывы, появившиеся после его публикации, причем весьма противоречивые.

Так, например, О.Ф. Миллер в рецензии, опубликованной в «Историческом вестнике», обратив внимание на новизну труда Архангельского, сразу же подчеркнул, что он «должен будет внести немало нового в историю нашего литературно-религиозного движения в XV в.» [Миллер 1882: 430]. В заслугу ставятся тщательное изучение биографии Нила Сорского и рукописей, объективное раскрытие отношения Сорского к «еретикам» и «иосифлянам», публикация новых материалов. «Спасибо нашему автору, – пишет Миллер, – что он первый напечатал в полном виде заметку Нила Сорского «О мнисѣхъ, кружающихся стяжаній ради» [Миллер 1882: 431], и, желая сделать этот материал достоянием широкой публики, тут же в рецензии ее и перепечатал. Главным же недостатком книги он считал несколько односторонний показ религиозной и умственной жизни Руси XVI в. и поверхностное развитие положения о связи Нила Сорского с предшествующей русской мыслью. Миллер советовал Архангельскому расширить имеющийся материал, касающийся предшественников и последователей Нила Сорского в религиозной отечественной мысли, и предлагал сделать это во второй части труда, посвященной ученику «великого старца» – Вассиану Патрикееву, «перенесшему идеи Нила Сорского с отвлеченной почвы на почву полемическую» [Миллер 1882: 430].

Противоположные суждения высказал на страницах «Журнала министерства народного просвещения» автор, скрывавшийся под псевдонимом «Д.К.». Он отказывает Архангельскому в «строго научном» методе как раз из-за того, что вместо ожидаемого «обобщения всего высказанного» ранее по поводу Нила Сорского такими «почтенными учеными», как А.С. Павлов, Н.М. Костомаров, митрополит Макарий, молодой ученый задался целью проследить возникновение и развитие нового направления в русской мысли [Д.К. 1882: 205]. Критика не удовлетворило стремление Архангельского выделить Нила Сорского и доказать, что он «играл первенствующую роль, роль инициатора в русском умственно-религиозном движении XV – XVI вв.» [Д.К. 1882: 205], поскольку он считал, что круг влияния Нила, «его известности был весьма ограничен» [Д.К.: 205, 207]. «Уж если возможно искать влияния, то, скорее, наоборот: Нил Сорский оказался под влиянием Вассиана» [Д.К. 1882: 209]. И поэтому, по совету Д.К., во второй части исследования Архангельский «должен будет отказаться от общепринятого мнения, что Вассиан был учеником Нила Сорского» [Д.К. 1882: 209]. К достоинствам труда Архангельского отнесены «рассмотрение литературных источников идей Нила Сорского», впервые предпринятое Архангельским, извлечения из новых интересных рукописных материалов, первая публикация в Приложении некоторых сведений о Ниле Сорском [Д.К.: 205–206].

Время рассудило, кто из рецензентов в оценке значения первого научного исследования Архангельского был прав. Монография А.С. Архангельского получила признание современников. Именно ему было поручено написание статей о Ниле Сорском для многих энциклопедических изданий [Брокгауз, Ефрон 1897; Венгеров 1897–1904; Брокгауз, Ефрон 1916; Христианство 1995], где, не отказываясь от основных концептуальных положений в трактовке личности

Нила Сорского, Архангельский создал научно-популярные версии его жизни и деятельности, адресованные широкому читателю. До настоящего времени труд А.С. Архангельского не потерял научной значимости, на него опираются отечественные и зарубежные исследователи деятельности «великого старца» [Смирнов 1991; Кнабе 2000; Пиккио 2002].

Summary

L.Ja. Voronova. The personality conception of Nil Sorski A.S. Arkhangelsky.

The article is devoted to the 150 anniversary from birth of A.S. Arkhangelsky (1854–1926), the prominent professor of Kazan University, the notable representative of Russian academic history of literature. The Master dissertation of Arkhangelsky became the subject of scientific research – the first monographic investigation of life and activities of Nil Sorsky. The preparation history and the dissertation publication, the fundamental content and structure, the research principles and methods – all these are considered and characterized. The attention is paid to the work significance of Kazan scientist in the future understanding the “great old man’s” personality in native and West European science. A number of little known and unknown sources and archives materials are introduced in the scientific terminology (circulation).

Литература

1. [Д.К.] Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси: Историко-литературный очерк. А.С. Архангельского. Ч. 1: Нил Сорский // ЖМНП. – СПб.: Издание Общества любителей древней письменности, 1882. – Ч. 223. – С. 205–209.
2. *Архангельский А.С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси: Историко-литературный очерк. Ч. 1: Преподобный Нил Сорский // Памятники древней письменности и искусства. – СПб.: Тип. И. Воицкого, 1882. – 283 с. + 20 с. (Приложение). Это единственное монографическое исследование Архангельского, переизданное после 1917 года.
3. *Архангельский А.С.* Ф.И. Буслаев в своих «Воспоминаниях» и ученых трудах. – Казань: Типогр. ун-та, 1899. – 79 с.
4. Архив Е.Н. Опочинина. ИРЛИ. – Ф. Р. III. – Оп. 2. – № 819–824.
5. Архив П.Н. Тиханова РНБ. – Ф. 777. – Оп. 1. – Ед. хр. 420. – Л. 1–38.
6. *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (Историко-литературный сборник). – СПб., 1897–1904. – Т. VI. – С. 32–44.
7. *Замалеев А.Ф.* Восточнославянские мыслители. Эпоха Средневековья. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 270 с.
8. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви: в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1993. – Т. 1. – 687 с.
9. *Кнабе Г.С.* Конец исихастского периода: Нил Сорский и Максим Грек // Кнабе Г.С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – С. 48–62.
10. *Миллер О.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси: Историко-литературный очерк. А.С. Архангельского. Ч. 1: Преподобный Нил Сорский // Памятники древней письменности. Исторический вестн. – СПб., 1882. – Г. 3. – Т. 9. – С. 430–434.
11. НА РТ. Ф. 977. – Оп. «Ист.-фил. фак.». – Д. 1126. – Л. 53–56.

12. НАРТ. Ф. 977. – Оп. «Ист.-фил. фак.» – Д. 1158. – 11 л.
13. Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Пг., 1916. – Т. 28. – Стб. 615–618.
14. Общество любителей древней письменности в 1881 г. // ЖМНП. – 1882. – Ч. ССХХІІІ. – Отд. 4. – С. 1–21.
15. *Пиккио Р.* Древнерусская литература / Пер. с итал. М.Ю. Кругловой и др.; отв. ред. Д.С. Менделеева. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 352 с.
16. *Прохоров Г.М.* Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая пол. XIV – XVI в.). Ч. 2. Л-Я. – Л.: Наука, 1989. – С. 133–141.
17. *Смирнов И.П.* О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 28: Wien, 1991. – 200 s.
18. Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. / Гл. ред. С.С. Аверинцев. – М.: Больш. Сов. Энцикл., 1995. – 671 с.
19. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: «Издательское дело» Брокгауз-Ефрон, 1897. – Т. XXI. – С. 150–152.

Поступила в редакцию
18.02.05

Воронова Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы Казанского государственного университета.
E-mail: Ljudmila.Voronova@ksu.ru